

За рубежом. — 1998. — № 15. — С. 11

Возвращение «голубого ангела»

ПОКА хватало сил, Ханс Леске продолжал бороться, но с недавних пор он готов все бросить: «Ради Марлен Дитрих я больше пальцем не шевельну».

Марлен Дитрих — «голубой ангел», всемирно известная актриса, в свое время бросила вызов нацизму: живя в Америке, она демонстративно выступила против своей родины — Германии. Многие не простили ей этого и поныне...

И вот Ханс Леске, возглавляющий фракцию социал-демократов в собрании депутатов

предательницей родины, для старых дев она была кумиром, а между этими крайностями не существовало ничего — ни шутилого поклонения, с каким относятся французы к своим экранным богам, ни наивного восторга, которым американцы окружают своих звезд. Чтобы стать идолом для немцев, надо говорить на диалекте или быть комиком. Глупость всегда воспринимается хорошо.

В случае с Дитрих дело осложняется тем, что для иностранцев она образцово-показательная немка. У нее прекрасные ноги, и она ни в чем не виновата.

Особенно последнего обстоятельства не могут ей простить. Зависть — одно из основных чувств немцев. Тем более зависть к жизни, свободной от

Джоном Кеннеди в 1963 году: «Я берлинец». Марлен, немка, была для них более чужой, чем президент США.

Но теперь Берлин наводит у себя порядок, потому что он больше не фронтовой город, а город мира. И Леске наводит порядок тоже. Звезда мирового уровня и город мирового уровня — это каким-то образом должно сочетаться, подумал он. А тем более в Шенеберге, где в 1901 году Дитрих родилась в семье лейтенанта прусской полиции и через 91 год по собственному желанию была похоронена возле своей матери.

Да, в 1992 году она вернулась в Берлин, даже если свой последний покой обрела на кладбище на Штубенраухштрассе только после жалкой церемонии с фальшивой пышностью и искренней неприязнью. После того как прошел установленный законом срок в пять лет, запрещающий увековечивать чью-либо память, Леске предложил назвать ее именем одну из улиц. И началась борьба! Нашлись сотни аргументов «против».

берлинского района Шенеберг, решил вернуть ей украденные почести — посмертно — и нажить на этом для своей партии политический капитал. Так Марлен Дитрих, сияющая, умная, флиртующая богиня, светловолосая Венера в норковом мантио, которое сторонники охраны животных воспринимали как провокацию («потаскуха в мехах» — намалевал кто-то на ее надгробии), превратилась в социал-демократическую сирену. Если для всего мира она — кинодива, в Шенеберге она — снаряд в борьбе против правых, чуть ли не запасной районный депутат. Марлен Дитрих успешно противостояла врагам. Но сможет ли она противостоять своим друзьям?

Берлину всегда было не просто определить, как относиться к немецкой звезде Голливуда, которая прошла через столетие с гордо поднятой головой. Может быть, потому, что под ее ироническим взглядом Берлин чувствовал, что его не принимают всерьез, сознавал, что не красив и провинциален. «Голубой ангел» презирает обывателя, которого соблазняет. Тот в ответ мстит. Всегда. Так как же все-таки почтить звезду мирового масштаба? Возвести напротив американского представительства мемориал Марлен — Лола в характерной позе, в чулках со швом и в цилиндре? Все отлито из бронзы. Вокруг плакаты, фотографии, сувениры. День и ночь идут фильмы Марлен Дитрих — пусть перевоспитываются старый Берлин и его обыватели, пока в их головах не укоренится мысль: она хороший человек, она хорошая немка, она наша. Эту идею поддерживают режиссеры Билли Уайлдер, который снимал с Дитрих фильм «Свидетель обвинения», и Милош Форман, хотя она в его фильмах не играла.

Но для Берлина все эти уважаемые знаменитости не указ. В Германии у дивы никогда не было шансов. Кто-то считал ее

В 1945 году Марлен вернулась в Германию с победителями.

исторической вины, жизни с «золотыми перилами», за которые она держалась, уехав в 1930 году в Голливуд. Там Марлен Дитрих стала звездой. У нее были сексуальность, артистичность и пережившее ее величие, в общем, все то, что в Германии пару лет спустя стало считаться декадентским и «чуждым».

Гитлер и Геббельс тем не менее хотели, чтобы она вернулась в Германию. Но, несмотря на то что во второй половине тридцатых годов ее карьера стала переживать застой, она осталась там, где оказалась, потому что хотела выжить и не имела желания смотреть, как уничтожают людей.

Ее сестра была замужем за владельцем кинотеатра в Берген-Бельзене, который обеспечивал вечерний отдых охранников концлагеря. В отличие от нее Марлен вернулась на родину с победителями — как в военном, так и в моральном смысле.

В Париже, где она жила до конца своих дней, ее чествовали, даря ей цветы и награждая орденами. В Берлине на концерте в 1960 году ее свистом чуть не прогнали со сцены.

Из всех упреков, которыми Дитрих осыпают в Берлине, самый загадочный заключается в том, что некогда она носила форму американской армии. После войны никто не восторгался американцами больше, чем жители Шенеберга, которых опьяняли слова, сказанные

Христианские демократы, со своей стороны, предложили назвать именем дивы пустырь возле товарной станции. Между строк нетрудно прочитать, что это самое подходящее место, чтобы почтить память предательницы родины. Следующей ступенью таких «почестей» стал бы, видимо, только плакат о розыске преступницы.

Затем свою лепту в дискуссию внесли «зеленые»: а что, если именем мировой звезды назвать площадь кайзера Вильгельма, маленький пятачок с мелкой торговлей? И снова одни, в том числе Леске, посчитали это кощунством по отношению к Дитрих, а другие стали кричать, что она недостойна такого прекрасного уголка Берлина.

И колесо завертелось с новой силой... «Марлен Дитрих, — говорил Леске, — пацифистка, борец Сопротивления, Роза Люксембург с накрашенными ресницами». Вместе с «зелеными» он готов расставлять на тротуаре информационные стенды: «В конце концов на нас смотрит за граница. С Марлен против христианских демократов!»

... Во время затишья между этими боями можно, если постараться, услышать знакомый хриловатый смех Марлен — одной из озорных берлинских девчонок, ставшей впоследствии богиней с тонкими выщипанными бровями и ироничным взглядом умных глаз...

«Шпигель», Гамбург.